

К вопросу о математическом мышлении (философско-ироническое эссе)

Г. В. Лобастов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Рассматривается сознание как субъективно открывающееся человеку в его деятельности пространство действительности; осуществляется демонстрация тождества логических форм и сознания; выявляется природа логического; анализируется суждение как исходная форма логики и сознания; фрагментарно в иронической форме раскрывается позиция здравого смысла.

Ключевые слова: ум; мышление; сознание; деятельность; форма; логика; диалектика; истина; наука; математика; абстракция «чистой формы»; суждение.

Может ли наука математики взять ответственность за математическую необразованность целых поколений в истории? Конечно, за 10—15 лет изучения «математической премудрости» кое-что в головах людей остается, некоторые даже уверенно складывают и умножают свои доходы и умеют делить их и вычитать. Во все времена дележ собственности, отнимание чужой и сложение со своей было ведущим мотивом не обязательно даже алчных людей. Даже наоборот, всеобщая алкающая страсть втягивала в свой водоворот нарождающиеся поколения. Так, что начинало казаться, они с этой страстью и рождаются. В недавние времена я видел детей, которые сновали по рынкам и улицам и без всяких калькуляторов, торгуясь, умножали и вычитали, головокружительно выдавали результаты, — что если даже и заподозришь мошенничество, уличить без компьютера не получится. Ну, точно настоящие вундеркинды, боюсь, что и в школе-то не учились! Такие, чуть постарше, становились «олигархами»...

А десять школьных лет со слезами пробиваясь сквозь дебри математических абстракций и сложнейших уравнений, мы вдруг фиксируем в себе не только отсутствие *математического мышления*, но обнаруживаем вопрос: — а зачем все это надо было? Аргументов в обосновании необходимости математического обучения будет миллион, среди них первый: это же наука, первая среди наук, без нее и шага не ступить, все в жизни надо считать, складывать и отнимать, умножать и делить. Без нее и в олигархи не прыгнешь, и ракета не полетит. И уж самый авторитетно-внушительный, почти что метафизический: математика учит логике размышления, уму. Неявно предполагая, что математическое мышление и мышление вообще — вещи тождественные.

Хотя, небось, и любому, чуть внимательно уму, видно, что за формой математического мышления лежат некие более фундаментальные основания и закономерности, на которые эта форма опирается. Как понятно и то,

что повторить за наукой некую формулу и обосновать утверждаемое ею положение, — далеко не одно и то же. Если это и имеет общий корень, то увидеть и откопать его, этот корень, не только школьный учитель не сможет, но и не всяк с ученой степенью.

Но есть люди, другие, «от земли», без всякой метафизики, с умной рассудительностью в глазах, выкладывают свои контраргументы насчет школьной математики: не нужна школе эта математика, да еще в таком объеме, дети плачут! Кто умный, тот и без математики умный. А все эти науки, от математики до философии, — заумь несусветная. Дайте только то, что надо. Чтобы деньги в уме и в кармане считать, килограмм к куску масла прикладывать. Кому надо больше, пусть изучает. Например, те, кто строит ракеты, — вдруг ему косинус там нужен! А в олигархии и без математики можно. Любому понятно, что олигархиями становятся там, где как раз нарушаются правила банальной арифметики. Жизнь живет по каким-то другим законам, не по математическим. «В действие, — объясняет ситуацию своих героев Василь Быков, — вступала странная, попирающая математику логика, когда два, разделенное на два, составляло менее чем единицу, так же как в других случаях две вместе сложенные единицы заключали в себе больше двух. Наверно, такое с трудом согласовывалось с нормальной логикой и было возможно лишь на войне» [1, с. 620]. Нет, дорогой Василь, такое возможно не только на войне. Или война есть всегда и везде.

Хотя позиции в суждениях о математике и не очень расходятся, но скажите, есть что-нибудь в подобных «общественных» спорах-дискуссиях от науки математики? Вот если бы поставить вопрос, что же собой представляет сама эта наука, чистая, так сказать, математика, — поставить без

всякой оглядки на юных вундеркиндов и мелких торгашей, и даже без оглядки на самих себя, ученых и умных? А уж потом пусть «свободная демократическая общественность» обсуждает, брызгает слюной, рвет на себе волосы и на лбу пот утирает.

В научных кругах насчет «чистой» математики тоже разные мнения. Одно из них: математика есть наука, которая занята тем, что выявляет чистые пространственные и количественные формы бытия и внутренние отношения их элементов, независимые ни от каких обстоятельств, — включая сюда талант и прочие субъективные характеристики. А то ведь вон в Интернете что пишет про Григория Перельмана «очевидец»: «Я с ним в детстве ходил в один и тот же кружок математики при Дворце Пионеров. Могу подтвердить, что он уже тогда был абсолютно гениален и абсолютно болен на голову. Впрочем, эти две вещи почти всегда соседствуют...»¹. Околоумному народу из «гениального» явления математического ума и не такие черты присниться могут: любое *противоречие в его представлениях* может вывернуться любыми фантастическими чудесами, а особенно шустрые среди всех — с опорой на науку дойдут до последней «точки» Вселенной и скажут, что она — первая.

Если, конечно, на эти случайно-привходящие обстоятельства не оглядываться, то становится очевидным, что математика, как и всякая другая теоретическая наука, существует как надиндивидуальная форма. Математические формы — не продукт «больной головы» Перельмана, но почему их выразила

¹ *Коваленко Ю. (y_kovalenko)*. [Комментарий] // Ну и денек [Электронный ресурс] / Радио «Эхо Москвы». 2013. 13 июня. URL: <http://echo.msk.ru/programs/deniok/1094282-echo/comments.html> (дата обращения: 26.05.2016).

его голова, вопрос, который обсуждается (должен обсуждаться) не в «демократических» кругах, где у каждого свое мнение, а там, где в поисках истины подчиняют себя самой этой истине. Математическое мышление — вопреки представлениям, существующим и внутри самой математической культуры, — не зависит по характеру своих всеобще-необходимых определений ни от человека, ни от его сознания. Человеческое сознание может либо адекватно выразить их, либо исказить. Математика вообще есть *способ мышления* пространственно-количественных отношений внутри действительности.

И, что самое интересное, в обоих случаях сознание — и выражая, и искажая — не всегда способно дать отчет в том, в какой позиции оно, сознание, находится — в истине или искаженном образе. Потому и не удивительно, что оно часто теряется перед вопросом, *что* определяет математические формы, от *чего* они зависят, в *чем* и *какова* их природа. Создает их, эти математические формы (окружности, прямые, точки, числа и их различные отношения и т. д.), порождающая сила сознания, или математическое знание лишь выражает некое объективное содержание, существующие в пространстве бытия окружности и прямые.

А сегодня, когда понятие количества в математических умах получает такую трансформацию, что в пределе исчезает вместе с понятием числа, — утрата объективного основания математической науки становится фактом ее собственного удивленного самосознания: она начинает понимать, что мало что понимает. Но рассуждает, рассчитывает и без числа вычисляет — все это она не перестает уметь делать. В этом, надо сказать, и реализуется ее ум, *мера ума как такового*, — реализуется в ее, математики, теоретическом теле.

Противоположность субъективистским представлениям о природе математического знания, необходимо вырастающая в сознании, заключается в том, что математические отношения выражают глубочайшие связи, лежащие как бы даже за пределами самого этого мира, — но его определяющие. Представление это не только логически возможно, но и — как любая логическая возможность — уверенно живет в уме человечества. Представление это восходит к пифагорейцам, полагавшим число в основание мира — на основе того факта, что эмпирический мир подчиняется математическим числовым отношениям. А если бы, кстати, это было не так, то, в самом деле, зачем бы была нужна математика? Ведь владея математическими отношениями этого мира, я как субъект реально-практической деятельности и подчиняю пространственно-количественную сторону этого мира себе.

Мир «подчиняется» науке, потому что в науке выражен сам мир. Мир подчиняется безумному действию человечества — потому что мир допускает это действие. Допускает потому, что мир исполнен многообразия, порядок и хаос — лишь моменты его вселенско-космического бытия; чистые и смешанные формы — лишь случайное обнаружение его собственных необходимых связей. И если наука имеет дело только с чистыми формами, то она еще никак не выражает мир в его целостности, она тем самым еще не может выразить целое в мире, — целое, как оно бытует в многообразных мировых образованиях, подчиняя себе и удерживая свои части.

Разум науки — всего лишь *рассудок*, который не желает принимать тех противоречий, в которые сам и впадает, когда заглядывает, как говорит Кант, за свои собственные пределы, — в те области,

где его схематизмы оказываются бес- сильными. А потому и всеобщая *элементарная логическая связь*, выражающаяся в форме *суждения*, кажется связью ограниченной. Чтобы разуму стать разумным, он должен *судить о вещи природой самой этой вещи*, рассудок здесь — лишь встроенная форма, операциональное средство движения мыслящего действительность разума. Иначе говоря, абсолютный момент постигающего разума есть его способность удерживать и разрешать противоречие *всеобщей* формы вещи и ее любого *особенного* образования. Поэтому и суждение рассудка тут соотносит вещь не с ее каким-либо особым свойством, а с ее собственной, выражающей ее природу, формой. Сказать, что человек это животное, для истины мало, как не будет истинным и суждение, что человек есть Бог. Только то суждение тут может претендовать на разумность и истинность, которое обнаруживает предикат в природе, в основаниях, самих этих «вещей». Не только человека, но и Бога.

Мера человека лежит в его собственной природе. Подобно тому, как и мера Бога в его собственной природе. Но как определить ее? Уж кто и как только ни определяли человека! А Фридрих Ницше, которому, надо полагать, надо-ели эти метания глупого человеческого ума, дал ясный образ этого существа, понятный даже без всякой математики: человек — это мостик между животным и Богом. Пройдитесь по нему, добавлю от себя, и увидите его, это человеческое существо, во всех возможных образах — от звериной зоологии до божественной святости. Искусство во всей своей полноте, формах и видах, именно эти образы нам и демонстрирует. Что на этом фоне многообразии пространственных форм и измерение их мерой, заданной наукой геометрии?!

Однако здесь есть проблема, — в толковании самих этих соотношений в составе суждения. Соотнося геометрический шар с некоторым шарообразным телом, я, как легко заметить, высказываю противоречие. Но это противоречие между формой, образованной наукой, и формой реальной вещи. Здесь противопоставлены субъект и объект. Ведь шар, как бы он ни был понят в науке, есть форма, принадлежащая субъекту, — и как его произведение и как мера в его руках (уме). Но разум требует соотнести вещь, как мы уже заметили, с ее собственной всеобщей формой, выражающей ее природу. Возникает вопрос: введенная наукой всеобщая форма связана как-то с всеобщей формой самой вещи?

Ибо мало сказать, что «небо синее», а требуется еще показать, что такая связь есть, и показать, в чем ее природа, и показать, что мое суждение отражает именно то, что есть в действительности, а не воспроизводит мои же собственные представления. И логическая наука, если она эти связи, эти противоречия, разрешить не может, претендовать на всеобщность, по большому счету, и не имеет права.

Догматическое сознание никогда не держит в себе противоречий, оно просто «прыгает» от одной противоположности к другой, а в сегодняшнем варианте эту свою способность еще и называет свободой. Сколько всевозможных догм исповедует рассудок! Сколько их содержится в *предрассудочном* слое бытия! Сколько злобы и гнева извергается в адрес этого мира, который никак не укладывается в абстрактные истины этих догм! При всем том, что в своем глазу бревна не видят: сколько глупости вокруг, и глупый народ по своей глупости никак эту глупость увидеть и перестать глупым не хочет! Замечали, как легко из такого отношения к себе и миру лезет «мордобой»? «Умное» человечество даже

придумало науку конфликтологии. Но загляните в основания этой науки и найдете, что это такая же пена, как и масса того, что внушается, утверждается и преподается. В этой самой догматической форме.

Любая чистая форма, например, математически-геометрический шар, человеческой *способностью* должна быть совмещена с реальной эмпирической формой, с эмпирическим содержанием действительности, должна позволить увидеть в ней, в эмпирической действительности, то, что чувственное восприятие никак схватить не может. Зная эту форму, я и в вещах узнаю ее, и в этих же вещах я вижу несомещающееся с ней, с этой формой, содержание, отличное от нее и тем более противоположное ей.

Вот совмещаю я шар с камнем, математическую формулу с конкретной проблемой моего дела. Тут школьная математика, научившая меня выражать чувственные соотношения некоторой реальной ситуации в формулах математической теории, хотя бы указывает направленность моих усилий, я знаю, что должен выразить реальность бытия в абстрактных логико-математических соотношениях. И решая их, эти уравнения, решить свою жизненную проблему. А вот геометрический шар и шароподобное пространственное бытие камня — какая связь между ними? Мне даже школа такой задачи не ставила. И жизнь никогда не ставит. Совершенно разные вещи! Геометрический шар — из отвлеченно-абстрактной науки геометрии, которую могу знать, а могу на нее плюнуть, и камень, который мне нужен во многих его функциях, но никогда — как шар сам по себе.

Даже пушечные каменные ядра, которым с великой тщательностью пытались придать эту самую идеальную геометрическую форму, нужны были людям

не как шар, а как снаряд, убивающий других людей. Наши предки колошматили ими друг друга из изобретенных ими же орудий. Без всякой демократии, в феодальном гнете, защищая свою собственность и отнимая чужую. И не хуже наших современников обосновывая свои действия языковыми, этническими, национальными, религиозными, расовыми различиями. Не хватало ума только объяснить это защитой общечеловеческих ценностей. Да и все другие «функции камня», не только убойно-убийственные, всегда связаны с его *несобственной* геометрической формой. Но «научный» шар, правда, был и остается мерой и эталоном во всех делах, где шароподобность превращала не только камень в наиболее эффективное средство.

А собственная-то форма камня в чем? Может, он вообще таковой формы не имеет, и «каменная» субстанция всегда принимает на себя внешнюю для нее форму? Не вспомнить Аристотеля тут нельзя. Конечно, мы понимаем, что любая геометрическая форма, как пространственная форма, присуща любой вещи — не только камню. И потому специфику его не выражает. Может быть, внутренняя форма камня ничего общего с пространственной не имеет?

Про пространство — не тут говорить. Но вот «чистая» форма, возникающая у нас как необходимое условие суждения и осознания вещи, должна выражать природу вещи, принадлежать самой сути вещи, быть ее собственным внутренним определением. Поэтому, конечно же, у камня она есть, но это не шар. Чтобы умно судить вещь, мне надо то, *что явилось* в образе этой вещи, определить через ее собственную природу. Соотнести вещь с самой собой, ее явление с ее сущностью, а не с тем, что у меня в голове. Тогда и суждение о вещи будет выражать ее природу.

Откуда, однако, сознание берет геометрическую форму, которая как будто выражает суть пространства вообще? Ведь ясно же, что абстрагировать ее в качестве некоторого признака, общего ряду вещей, необходимо данных под формой пространства, невозможно. Нет шара в действительности, в действительности нет прямой. Это потом, для детей в школе и для самих себя, умных в науке, мы ищем «примеры в природе». Помните, как долго «сооружали», не найдя подобного непосредственно в природе, представляемый образ пространства Лобачевского? Ведь и камень, наиболее округлый, и детский мячик, и прочее подобное — все это школьный учитель подсовывает в качестве наглядной модели геометрического шара. И этим действием, как понятно, выражает некое суждение и навязывает его нам.

Геометрический шар — это научный образ. Образ, создаваемый наукой геометрии. Мышлением, через форму понятия, через синтез многообразных абстрактных определений в их логической последовательности, выражающей его, этого геометрического шара, становление. Этот теоретический образ школа должна ввести в сознание школьника. Иначе он, шар, сфера, так и останется всего лишь особой темой науки геометрии, которую в силу ее для меня бесполезности и забыть не грех. Ибо и без всякой науки (т. е. до школы) этот образ я «несу в душе» и умею им пользоваться и потому солнце подвожу под шар, а не шар под солнце.

И вот эти «совершенно разные вещи» — идеальный образ шара в голове и образ реального камня — я соединяю, сравниваю, отождествляю — каждый раз, как только в поле моего восприятия попадают эти камни, футбольные мячи и прочие округло-выпуклые тела. Совершенно бессознательно. А вот если бы

в моей субъективности, в моей душе, не было бы геометрического образа шара, моя бы душа никогда и не занималась этим «глупым делом отождествления» — а потому никогда бы и не проснулась к сознанию. К знанию. Она бы не знала, что она знает камень. Она бы и в самом деле его, этот камень, не знала, хотя в поле созерцания и имела бы его. Но столь же субъективно бессмысленно, как кошка Мадонну Сикстинскую. Совершенно бессмысленным глазом. Безразличная и к камню с его сутью и к его внешней геометрической форме. Она бы оставалась бессознательной: душа есть, сознания нет.

Ибо сознание, осознание, имеет место только тогда, когда есть это самое соотношение — соотношение внешней вещи и ее *общего* образа вне этой вещи. Когда есть *суждение*: «это есть другое». То бишь, на языке логики, *противоречие*. А нет этого противоречия, если есть только тождество «это есть это», а «другое есть другое», — то и нет никакого сознания. Этого условия, однако, не достаточно. Должно еще быть отождествление всеобщей формы, данной в сознании (в субъективности) и всеобщей формы самой вещи. Но они с самого начала кажутся тождественными, и не только нет нужды их отождествлять, но их и различить, похоже невозможно. Моя субъективная форма является не только преданным моментом образа вещи, но и ее исходным устойчивым определением. Формой априорной, сказал бы Кант. Чтобы «вынести» вещь из сознания, как показал субъективный идеализм, любой логики будет мало. Сама логика оказывается лишь формой организации сознания. Не помогает и чувственность, поскольку она также принадлежит субъективности. Потому все определения вещи в сознании есть суждения.

Но чтобы можно было *судить*, что в чувствах дана вещь, а не простая аффектация чувственности, эта чувственность должна быть в некоем объективном совпадении, тождестве с вещью, — за рамками сознания. Некое тождество чувства и вещи. Как в животном инстинкте. Т. е. там, где сознания нет, а «субъективный материализм» есть. Где в материальных формах осуществляется процесс отождествления субъективных жизненных схем и схем объективного бытия. Без того, чтобы их сознавать. Иначе говоря, различать объективное и субъективное, отделять вещь от образа вещи, «выносить» ее в объективное пространство. Но такие различия еще должны осуществиться объективно, а не в философской рефлексии, которая *внутри сознания* разводит понятия субъективного и объективного. Такая позиция — прямая противоположность животному инстинктивному бессознательному бытию: животное не входит в сознание, субъективный идеалист не может войти в бытие. Для наивного же сознания, коему дела нет до философии, сознание всегда тождественно бытию, проблема отношения бытия и сознания для него с самого начала решена — даже и не будучи поставленной. Для него мир таков, каков он в сознании.

Значит, где-то, за рамками сознания философа и инстинкта животного осуществляется и связь сознания и бытия, и различия бытия и сознания. И осуществляется, надо полагать, в некоторой вполне определенной форме — как переход от животного природного бессознательного бытия в бытие сознательное; или, наоборот, из сферы сознания в объективное бессознательное бытие.

Логика, которая такой процесс может осуществить, может быть только *формой* реального процесса, в котором объективно этот переход и имеет место.

Она есть снятая форма предметно-преобразовательной деятельности. И потому объект, вещь с ее свойствами, выступает в *формах этой* деятельности. Форма суждения, как исходная логическая форма, вторична, совпадает с актом действия. Объективная связь действий в деятельности предстает объективной логической связью в цепочке умозаключений. Полноту определений вещь выявляет в деятельности, субъект которой их и осуществляет и потому как бы «видит», чувствует и судит, изнутри этого деятельностного процесса. Любое из этих определений вещи выступает через соотношение с другим. И только тогда, когда оно положено как средство. В противном случае оно вообще не проявляется. Но любое определение, положенное в форме средства, эту свою функцию может осуществить только через реальную объективную связь с тем, что опосредует. Оно и выступает средним членом «объективного» умозаключения.

Из этих «логических обстоятельств» легко разрешается и пресловутый вопрос, зачем есть (возникает и существует) сознание: сознание возникает, когда возникает необходимость в обстоятельствах моей деятельности одну вещь измерить другой, одно ее свойство удержать через другое. Когда есть необходимость отделить от вещи ее свойство и, наоборот, некое свойство к ней присоединить. Например, сделать камень круглым, воду — теплой и т. д. Не сможешь — и *быть* не будешь, несоизмеренные и несоразмерные обстоятельства погубят тебя.

Не будешь и знать, что сначала ты не был, а потом стал, и, ставший собой, человеком, теперь ты понимаешь, что тебя не было до того, пока ты не оказался способным к практическому анализу и синтезу. Поэтому и обезьяну, которая

стала тобой, искать не надо. Она — это ты, но ты, который различает и отождествляет, то бишь судит и осознает, — а потому ты не обезьяна.

Но даже сейчас, будучи «научно образованным» и далеко не обезьяной, ты не знаешь, где и кем ты был, когда тебя совсем не было. Поскольку не научился находить всеобщие предикаты для суждений своего ума. Предикаты, обладающие абсолютной значимостью для логики мысли, развитой в пространстве человеческой истории. А сможешь развернуть эту логику — и откроется тебе смысловое пространство человеческого бытия. Сможешь соотнести одну вещь с другой — и откроется тебе поле действительности, чтобы мог ты ориентироваться и действовать в реальном пространстве своей жизни. К каждому реальному элементу действительности прилагая соответствующую ему меру. Которую, конечно же, тебе придется *создавать самому*.

Вот тут и «возникает» математика с геометрией. Твоими, человеческими усилиями. А создав эти чудо-науки, начинаешь ломать голову, откуда все это и зачем оно. Ведь и меры-то как будто не такие уж сложные, и меряют ими внешние величины. А какой мерой измерить мне мою человеческую душу? Какую науку тут создать? Человечество, однако, и тут, не особо задумываясь, создало такую меру — и удивилось собой созданному чуду! До сих пор никак понять не может, падает ниц, молится, доказать бытие созданного образа уж как только ни пытается, но уже тысячелетия *верит, что есть то, что определяет и человеческую жизнь и меру человечности этой жизни*.

Ну а шар разве не столь же чудесная вещь? И как теперь, скажите, внушить человеку, несущему в себе меру своего человеческого бытия и геометрическую

меру для камня, — как же ему «рассказать», что все его основания находятся тут, в его собственной человеческой действительности, и что делает его человеком «семья и школа». А школьник чувствует некий «вселенский обман» и сам начинает обманывать все школьные программы. И безумными умниками разработанные тесты. Чем не пальба из пушек каменными ядрами!? Во имя защиты не без помощи математики сосчитанных в карманах и банках своих денег. Своих?

И ребенок входит в *эту* жизнь. Входит сам — во все ее реальные формы. Но все институты воспитания ведут его в законопослушание. Чтобы был он таким пайнкой. Чтобы не заглядывал в чужие карманы. И уж тем более не выворачивал их. И без команды не прикладывался к пушечному фитилю с ядерной, в геометрических формах выраженной, бомбой. Но на всякий случай прилежный пай-мальчик пусть поиграет в «оловянных солдатиков» с автоматом Калашникова. Чтобы потом в «демократическом» самомнении свободы мог легко выполнять команды.

Гегель сетовал, что история ничему не учит, что человеческий ум развивает себя разрешением тех проблем, в условиях которых оказывается. Диалектика будет пробиваться в сознание, говорил другой классик, развитием самих наук. Совсем разные люди, Гегель и Ленин, но оба революционера, первый преобразовал взгляд на мышление так, что *как будто* все встало с ног на голову, а второй отказался смотреть на историю как стихийный процесс и сделал диалектику этой стихии сознательным творческим историческим началом. Оба великолепно понимали место и роль ума в действительной жизни. Гегель развернул его внутреннюю логику — всякий желающий умно войти в мир науки и практики,

бери и читай его «Науку логики». Ленин прочитал, вошел в практику социальных преобразований — с отчетливым пониманием диалектики истории. И столь же не был понят, — как не понятой до сих пор остается диалектика Гегеля. Мелкому буржуа и обывателю в науке мир одинаково кажется упакованным в четкие определения, вырастающие из принципов обыденной жизни и оформленные прозрачными схемами здравого смысла. Принципы мышления, обнаруживающие себя во всеобщей культурно-исторической действительности, в пространстве здравого смысла кажутся просто абракадаброй — как для непосвященного в тайны высшей математики «заумь» ее символических хитросплетений. Ведь любой вдумчивый ребенок в школе диву дается, как это может быть, чтобы любой отрезок представлял собой бесконечное число точек. И в толк не возьмет, как это любая бесконечность равна друг другу, ведь в таком случае все и любые отрезки будут тоже равны.

Увы, ребенок, да и учитель его, эту пресловутую бесконечность представляют только в конечных формах. В форму понятия это дело школой никак не вводится. А раз так, то попробуйте «натянуть» *представление*, снятое с конечных вещей, на бесконечность. Ведь эта бесконечность тут же начнет мыслиться как продолжающийся ряд этих самых определенных конечных вещей. А сдвинется мысль чуть дальше — и натолкнется на проблему дискретности и непрерывности. А потом — удивляющий предел скорости движения, как будто усечение конечностью бесконечности. А выход скорости движения в бесконечность к еще большему удивлению обнаруживает пространственный покой движущегося тела. Все эти чудеса в науке столь разительно расходятся с примитивизмами догматического школьного мышления, базируемого

на «школьной» традиционной формальной логике, что ребенок смиряется перед авторитетом науки и начинает понимать ее как нечто удивительно сложное и, что самое главное, неподдающееся его пытающемуся понимать уму.

А ведь на самом деле наука гораздо проще любой формы сознания, ибо научное движение мысли есть движение, максимально очищенное от случайных форм, оно строго и тяготеет к однозначности. Но чувствует ребенок, что везде чудеса, понять се не можно, нужно зубрить, повторять и робеть перед «учеными мужами», эти непонятности понимающими. И прямые с округностями, и мнимые числа, и продажную чистую совесть. Но поклоняться науке, как известно, ничуть не лучше поклонения Богу. К которому, как удерживающему все непонятное в себе, он, ребенок, бессознательно и подталкивается. Ну а сознательно действующие в этой сфере институты легко проглатывают этот изготавливаемый школой полуфабрикат.

Сознание вообще возникает как деятельность ориентировки субъекта в объективных обстоятельствах бытия. Не было бы нужды, прежде чем действовать, ориентироваться в пространстве и времени бытующих вещей, в их свойствах и отношениях, сознание и не возникло бы. Вот нет у вас, например, нужды ориентироваться в пространстве культурно-исторически выработанной мелодики звуков, и нет музыкального уха, не развивается орган и не возникает мотива строить и настраивать всю ту инструменталистику, обеспечивающую звучание этих звуков. Для вас это — шум. Как, скажем, для меня математика. Попавши в аспирантские годы на публичную лекцию А. Колмогорова, я понял только две первые приветственные фразы. Все же остальное воспринималось как невообразимый бред, тарабарщина,

речевой шум, ничто нельзя различить и ничто ни с чем невозможно соотнести. Темное поле пустых звуков, бесконечное пространство отсутствующих смыслов. Но хватило ума увидеть, что бессмысленно это только для меня, что своей способностью суждения я тут могу судить только то, что ничего в математике судить не могу. Что не часто случается, когда математик читает Гегеля или Хайдеггера, — апломб самомнения тут сложить не так легко.

Вот так все и происходит, когда в душе нет *человеческих мер измерения этого мира*. Сознание «спит», есть лишь потенция сознания, но нет силы суждения, раскрывающего передо мной этот мир. Включая мир своей собственной сущности. А есть только примитивные «околоживотные» *меры* восприятия мира, в которые я и укладываю окружающие обстоятельства. Часто столь же инстинктивно и бессознательно. Потом о бессознательных человеческих формах кто-то создаст науку...

А все неизмеримое моими мерами — мне безразлично. Оно как будто даже и не существует. Зоологический эгоизм человеческого существования далек и от музыки, и от математики, от Ньютона и от Баха.

Исследование вещи идет по внутренним связям самой вещи, выявляя ее собственные содержательные моменты и отличая их от привнесенных случайных, несущественных, т. е. не влияющих и не определяющих сущность вещи элементов. Без которых вещь не только обходится (иначе говоря, они не необходимы), но которые, наоборот, могут только отягощать ее бытие, мешать ей в ее самоопределении. Ясно, что если сознание этих различий сделать не сможет, то в науке произойдет преогромная путаница. Как то происходит в составе общественного бытия, где имеют место самые

различные противоречия, не говоря уж, естественно, о формах истинных и фальшивых, действительных и превращенных. Ибо здесь определение истинности связано с выявлением природы самой общественности и того объективного идеала, к которому «тянется» объективное историческое развитие.

Внутренняя диалектика предмета ведет исследователя, если последний внимателен к содержанию тех фактов, с которыми имеет дело. Ведь только в содержании самих фактов ему приходится искать и фиксировать *внутреннюю меру* этих фактов. И ею — и бессознательно, и осознанно — измерять, через нее судить о вещах этого мира. И маленький малыш уже знает геометрический шар, хотя и до школы ему еще далеко. И потому различает форму шара и форму камня. Соотносит и измеряет одно в другом. Но всеобщей мерой делает именно шар, а не камень. Он еще не настолько глуп, как умный взрослый, чтобы говорить, что у него *своя* правда, свое мнение, свой взгляд на мир. Хотя как будто и никто не учил его шар делать всеобщей мерой. Но ведь как-то понял, что, чтобы доказывать истинность своей правды, надо найти общую меру для своего камня и для камня своего приятеля. И эта мера именно общая, не моя и не твоя, но чтобы судить умно, надо сделать ее своим средством и способом измерения всех вещей — своих и чужих. В условиях всеобщей соотнесенности вещей друг с другом никак не поймешь, где истина, где заблуждение, кто врет, а кто правду говорит. У каждого свой аршин, своя истина и своя бомба, ее защищающая. Вот тут-то и необходима истинность самих мер. Тех чистых форм, которые высвечивает нам наука и философия.

За всеми рассудочными формами математики, выстроенными по схемам формальной логики, лежит нечто большее,

чем способность математического преобразования своих собственных построений. Может быть, это и есть то самое математическое мышление, которое математическое образование никак — ни у детей, ни у взрослых — образовать не может? Тот самый математический ум, который вдруг однажды ребенком улавливается и превращается в «естественную» банальность гениального проявления — в теоретических абстракциях сознания — количественных отношений и пространственных форм. В способность отождествления неравных величин. И не только в математическом уравнении. И совсем небанальной способности в ее, математики, казалось бы, самоотжественных определениях видеть противоречия. Понимать, почему непротяженная точка оборачивается протяженной величиной.

А науке, которая своим движением сама порождает эту «злосчастную» диалектику, в которой «прямое и кривое — одно и то же», где «дважды нельзя войти в одну и ту же воду» и где «параллельные прямые пересекаются» — как науке-то быть? Конечно, если бы предмет своей непосредственной бытийной данностью и в самом деле вел исследователя диалектическими путями своего бытия, не было бы и особых так называемых методологических проблем внутри исследовательского процесса. Однако, как давным-давно стало понятным, что непосредственная данность предмета не есть его действительная данность. Исследователь в силу своей определенности — мировоззренческой и методологической — относится к объекту своего исследования в некотором смысле *a priori*. Т. е. как будто бы заранее о нем нечто зная и опираясь на это знание, даже если оно бессознательно. Наличные схемы мышления и восприятия предмета, носителем которых он является,

и обеспечивают ему, как бы сказал Кант, опыт, т. е. в данном случае, — научное исследование, толкование и понимание предмета. Поэтому ученый-исследователь всегда видит предмет субъективно — как определенный познавательными схематизмами его субъективности.

Более того, сознает то субъект или не сознает, его отношение к предмету есть всегда *заинтересованное* отношение. А этот интерес способен детерминировать и даже ломать любые отработанные в науке схемы: «Если бы теоремы геометрии затрагивали интересы людей, они бы изменялись», — справедливо утверждал неглупый ум классика. Вот ведь сколь велика сила субъективного интереса! И легко понять, как нелегко отделить истину предмета от мифа об этом предмете. И уж тем более не требуется труда догадаться, как «мифологизируется» предмет в условиях рыночных отношений.

Но что же, однако, делать, если, в рассмотрении познания мы наталкиваемся на неустрашимый факт присутствия в нем нашей субъективности и потому, похоже, обречены никогда не постичь предмет в его истине, каков он сам по себе? Даже если не ставить этот вопрос, а просто рассмотреть все следствия этой ситуации, что великолепно проделал Кант, мы не придем к утешительным выводам не только в теоретическом *понимании* целостности человеческого бытия, но и любого практического человеческого действия. Ведь предмет обволакивается субъективностью не только в процедурах познания, он *реально* модифицируется по мыслительным схемам субъекта и, естественно, повторю, — по логике его интересов. Предмет можно детерминировать, деформировать, модифицировать, развивать и разрушать так, как только вздумается субъекту. Пределом его действий

будет только *неподатливость* самого объекта. Здесь субъект, наталкиваясь на объективную мощь действительности, наталкивается на *предел своей субъективности*, на бессилие своей силы.

Нарастить эту силу можно единственным путем: погружением в предметную действительность, извлечением оттуда тех «схем», которые в субъекте не содержатся, но которые как бы присущи самому объекту. Это и дает право Френсису Бэкону заявить: «знание — сила». Зная объект, я делаю его подвластным себе. Еще иначе: схема, соответствующая предмету, позволяет мне не только адекватно его воспринимать и мыслить, но и *свободно* действовать с ним. Но это такая схема, которая *одновременно принадлежит мне и предмету*. Полнота восприятия действительности делает и мою субъективность (душу) исполненной полнотой ее «схем», ее возможностей, освоенных мною и потому мною присвоенных в качестве уже моих способностей.

Что сам ум не всегда умен, давно известно. Его иллюзии могут длиться веками. И длятся только потому, что они далеко не бессильны. Они очень даже активно воплощаются в пространстве человеческой действительности. Иллюзии, воплощены ли они в познавательных схемах или в схемах воображаемого миропорядка, но коль скоро они обладают силой, они «мнут» (от «мнить») предмет. Если бы наши мнения ограничивались только сферой сознания, воображения, мышления, какие бы заблуждения они в себе ни содержали, особой беды бы в этом не было. Но сила иллюзий в том, что «мнить» переходит в «мять». *Сила заблуждения ломает реальный предмет*, оформляет его по своей собственной «логике» и в таком виде запускает его в пространство реального бытия. И изломанный предмет ломает теперь

само это социальное пространство. Как у Эйнштейна тяготеющая масса меняет конфигурацию пространственных измерений. Но, заметим, кстати, и наоборот: конфигурация пространства определяет и тяготеющий момент массы. В культурно-историческом пространстве эти отождествления глазу даны еще менее, чем теоретическому уму Эйнштейна — в физическом.

Но если понять то несложное обстоятельство, что научное исследование есть всего лишь исторически обособленная функция развивающегося человечества, положенная с целью предварительного выявления объективных условий и обстоятельств осуществления его собственных потребностей, то вопрос этот вообще переводится в плоскость *природы и содержания человеческого интереса*.

Любое Я определяется напряжением силовых линий того пространства, в котором бытует и действует это Я. Что Я зависит от физики только как физическое тело, это нынче непонятно только путаникам в своих умах. То же самое и в отношении химии и биологии. Разумеется, химические процессы внутри органического тела существуют *только в условиях* целостности этой органики. И прекращают быть вместе с разрушением этой целостности. Но и человеческая органика живет *в качестве человеческой*, только осуществляя движение в многомерном искривленном, изуродованном, прямолинейном и сфероидном, истинном и лживом, возвышенном и справедливом, чувственном и сверхчувственном и т. д. культурно-историческом пространстве. Как органический химический процесс в качестве самовоспроизводящегося осуществляет себя только в условиях организма, так и человеческое органическое тело превращает объективные условия исторической

культуры (пространство своего бытия) в свой *собственный способ движения*. В объяснении гравитации Эйнштейн отождествляет физику с геометрией, объяснение силы человеческого Я лежит в тождестве определений культуры и человеческого тела.

Здесь начинается *свобода* — как самое фундаментальное определение человеческого культурно-исторического бытия. В свободе прекращается стихийное движение интереса от одной вещи к другой, т. е. движение внешне определенное, хотя в каждой локальной точке вполне ощущающее себя свободным. Такой интерес, стихийно прорастающий в каждом конкретном индивиде, никогда не может достичь *разумности*, т. е. понимания природы целостного культурно-исторического бытия. В таких условиях и сам индивид остается локально-фрагментарным, в ситуации мнимо-свободного выбора между многоразличными возможностями. А потому и с ложным суждением о свободе.

В свободе человек проявляет себя как универсальная *формообразующая* сила, здесь человек посредством создаваемых им форм осуществляет и судит себя. И форма эта создается далеко не только в науке, а в коллективной исторической практике человека, в предметно-преобразовательной деятельности, в труде. Поэтому то, под что подводит себя вещь в истинном суждении, надо искать через анализ этих общественно-исторических обстоятельств.

Но понять труд как субстанцию человеческого бытия далеко не просто. Пособнее, чем разобраться с природой геометрического шара. Если человечество от математики с детства плачет, с ее простыми, чистыми, однозначными формами своим умом сладить не может, то в многочисленных обстоятельствах, включающих в себя и формы идеальные, и сознательно-фальшивые, и свободу, и творчество и т. д., этот ум заведомо тонет как в болоте. А труд, к сожалению, с момента обнаружения его сознанием как необходимой формы никогда не мыслился как труд свободный — ни самими трудящимися массами, ни философией. Ибо всегда осуществлялся в условиях отчуждения. А потому и не мог быть представлен как субстанция, а только как досадная необходимость, избавиться от которой возможно только вместе со смертью. За которой ждет человека долгожданная блаженная бездеятельная свобода...

Литература

1. **Быков В. В.** Дожить до рассвета; Сотников; Обелиск; Журавлиный крик; Знак беды. М.: Эксмо, 2011. 765 с. (Б-ка всемирной литературы).

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории психологии Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), президент философского общества «Диалектика и культура», председатель оргкомитета Ежегодной международной научной конференции «Ильенковские чтения».

E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru